

Борис Черный

(Кан, Франция)

Канский университет, кафедра славянских языков; научный центр ERLIS

Профессор, член Академического института Франции

E-mail: Boris.Czerny@unicaen.fr

ORCID: 0000-0002-7156-3367

Саломон Рейнак (1858–1932) и еврейский вопрос в России

Аннотация: В конце XIX и начале XX в. евреи Франции старались ассимилироваться во французском обществе. Принято считать, что это желание объясняет их осторожность в отношениях с российскими евреями, националистические устремления которых находили конкретное выражение в сионистских и территориальных проектах. Переписка Саломона Рейнака, одной из самых важных фигур французского иудаизма в период Belle Époque, показывает, что еврейский вопрос и положение евреев в России были в центре его внимания и как историка, и как главы Всемирного еврейского альянса. Анализ этой переписки позволяет понять становление процессов культурного и научного трансфера между Францией и Россией, французскими и российскими евреями.

Ключевые слова: Саломон Рейнак, евреи во Франции, евреи в России, научные и культурные трансферы, конец XIX – начало XX в.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.09

Насколько мне известно, отношениям между историком и общественным деятелем С. Рейнаком и Россией и, в частности, его роли в деле защиты евреев России в конце XIX — начале XX в. во Франции и в Европе посвящены всего две статьи [Толстая, Ананьич 2006; 2007]. Речь в них идет о переписке С. Рейнака с нумизматом, министром народного просвещения Российской империи в 1905–1906 гг. графом Иваном Толстым (1858–1916). К моменту их встречи в начале 1890-х гг. оба были уже признанными авторитетами в научном мире и преследовали общую идею – распространять знания, публикуя наиболее важные книги, доступные по цене. Шесть выпусков издания «Русские древности южной России», опубликованных между 1889 и 1899 гг. Иваном Толстым и Никодимом Кондаковым, полностью соответствовали этим требованиям. Они содержали большое количество иллюстраций, в том числе цветных, а полное издание стало большим достижением печатного дела в России и за ру-

бежом. После появления первого выпуска славист Луи Леже порекомендовал перевести его на французский язык. Как указывают Л. Толстая и Б. Ананьич, С. Рейнак взялся за этот перевод по подстрочнику, предоставленному ему Толстым и Кондаковым [Толстая, Ананьич 2007, 87; *Antiquités 1891–1892*]. Разыскания, предпринятые нами в архиве Рейнака, позволили установить, что на самом деле перевод на французский язык был сделан раввином, переводчиком и эссеистом Саломоном Фуксом [ВМ. ВОИТЕ N°69. 20 F].

Разумеется, Франция открыла для себя Россию, российскую историю и русское искусство не только и не столько благодаря С. Рейнаку. Многие другие французские ученые (такие, например, как Луи Рео) знакомили с этой цивилизацией широкую публику, не владеющую русским языком и опасаящуюся недоступных, то есть чересчур «ученых», изданий. Однако, по примеру индолога, члена комитета директоров Всемирного еврейского альянса Сильвена Леви, а также историка и эссеиста Анатоля Леруа-Болье, С. Рейнак придал историческим исследованиям характер не только описательный и хронологический, но и аксиологический. Современное он интерпретировал через призму прошлого, а прошлое – через призму современного. Это характерное для второй половины XIX в. панехроническое сближение конкретизировалось совмещением археологических исследований и реальности, в которой важное место занимали армянский [Leroü-Beaulieu 1896] и еврейский вопросы (и, в частности, дело Дрейфуса во Франции), возникновение расового антисемитизма в Германии, а также, разумеется, антиеврейское законодательство, погромы и дело Бейлиса в России [Szajkowski 1963].

Именно в этом панехроническом ключе сотрудничество между С. Рейнаком и И. Толстым приобретает самое серьезное значение. Оно не вписывается только в границы истории и археологии. Как совершенно справедливо отмечают Толстая и Ананьич, оба они – и Толстой, и Рейнак – ставили человека и человеческие ценности выше всех прочих идентифицирующих и религиозных критериев, а благодаря своим гуманистическим принципам включились в борьбу с антисемитизмом и в России, и в Европе [Толстая, Ананьич 2006, 45–54; 2007, 84]. Впрочем, Толстая и Ананьич в основном сосредоточиваются на деятельности графа Толстого и публикации в 1907 г. его брошюры «Факты и мысли. Еврейский вопрос в России» в переводе на немецкий язык, сделанном родственником жены С. Рейнака Розы (урожденной Моргулевой). Они не идут дальше констатации вклада С. Рейнака в борьбу против антисемитизма в тот период, когда во Франции развернулось дело Дрейфуса. Ананьич и Толстая не устанавливают взаимосвязь между научной деятельностью Толстого и Рейнака и их включенностью в общественную жизнь и защиту евреев в России. Между тем можно предположить, что С. Рейнак входил в контакт с определенными российскими кругами и

как археолог, и как руководитель Всемирного еврейского альянса (далее Альянс) и Еврейского колонизационного общества (далее ЕКО), и эти две сферы его деятельности взаимно дополняли одна другую.

Выдвинув это предположение, мы постараемся уточнить, как две указанные области перекликаются друг с другом в работах С. Рейнака и каков характер этого диалога. В первой части статьи мы сосредоточимся на описании использованных в работе неизданных источников. В следующих частях («Саломон Рейнак – образцовый еврей», «Всемирно признанный ученый») рассмотрены роль и место С. Рейнака во французском обществе и иудаизме, далее («Константа в разнообразии: духовная вовлеченность» и «Панхроническая концепция истории») мы пытаемся разобраться, справедливо ли утверждение, будто еврейский вопрос занимал центральное место в жизни и творчестве Рейнака. В заключении мы делаем попытку оценить влияние деятельности С. Рейнака на борьбу с антисемитизмом и понять, в какой мере в конце XIX и начале XX в. «случай» С. Рейнака является характерным для еврейской элиты во Франции в начале XX в. Насколько нам известно, ни работ, которые были бы посвящены изучению еврейского вопроса под углом панхронического подхода к истории, ни исследований о роли С. Рейнака в борьбе с антисемитизмом, пока не существует.

Источники

Архив С. Рейнака состоит из двух фондов, хранящихся соответственно в Библиотеке Дидро в Лионе и Библиотеке Межан в Экс-ан-Провансе. Первый представляет собой материалы, переданные семьей С. Рейнака после смерти историка в 1932 г. Помимо книг по античности и истории, а также собственных сочинений С. Рейнака, Библиотека Дидро обладает значительным собранием изданий о России и российских евреях. Здесь хранятся также труды историка Анатоля Леруа-Болье [Leroü-Beaulieu 1881-1889; 1893; 1896; 1897; 1902; 1905] и активного члена ЕКО биолога Лео Эрреры [Errera 1893; 1894].

В библиотеке Рейнака, помимо прочих материалов, хранятся написанные по-немецки воспоминания Якова Тейтеля [Teitel 1929], служившего в должности судьи в царском министерстве юстиции; здесь собраны также социологические и исторические работы, в частности, написанные по-немецки эссе Августа Шольца, Станислава Цвика, Артура Куна, И. Исаевича, Н. Шмеркина [Scholz 1900; Zwick 1909; Kuhn 1911; Isaievitch 1920; Chmerkine 1897], труды Б. Анри и Е. Семенова [Henry 1903; Semenov 1906] о погромах. Эти книги повествуют о жестокостях по отношению к евреям в России, бесчинствах черносотенцев и антиеврейском законодательстве. К этой же категории следует причислить и составленные

посетившими черту оседлости французскими и американскими делегациями отчеты о положении евреев в России [Treatment of the Jews in Russia 1890; Rapport 1898; Ielatchitch 1901], и написанный адвокатом М. Винавером доклад о еврейском вопросе [Vinaver 1915]. Некоторые документы свидетельствуют о бедственном положении еврейского населения Польши и России во время и после Первой мировой войны. Одновременно они отражают обеспокоенность граждан Франции, Англии и Соединенных Штатов [Treatment of the Jews in Russia 1890], а также еврейских организаций притоком еврейских иммигрантов. Среди этих изданий есть и живые свидетельства [Lauer 1916], однако большая часть посвящена опровержениям обвинений, выдвинутых членами традиционалистских и крайне правых партий против иудео-большевизма и господства евреев в России [Eliashoff 1919; Isaievitch 1920]. И наконец, еще одну группу составляют многочисленные тома, посвященные Люсьеном Вольфом [Wolf 1912; 1924] еврейским беженцам, а также вопросам, касающимся приема эмигрантов и отмене в 1911 г. договора, подписанного в 1832 г. между США и Россией. Напомню, что по условиям соглашения две эти страны гарантировали друг другу свободу торговли и мореплавания, а их жители получали возможность беспрепятственно входить в порты и города и должны были пользоваться такими же правами и такой же защитой, как местное население.

Краткий анализ этого списка позволяет сделать вывод о том, что еврейский вопрос в России и проблема еврейской эмиграции из Восточной Европы вследствие погромов 1881 и 1903–1906 гг., а затем после Первой мировой войны представляли собой главный предмет интересов и тревог С. Рейнака в течение более тридцати лет, между 1890-ми и 1920-ми гг.

В его библиотеке нам не удалось отыскать ни одного издания на идише или русском. Очень возможно, что С. Рейнак, по воспоминаниям современников, великолепно владевший английским и немецким, не умел читать и (или) писать по-русски, и что владение идишем – языком евреев рассеяния – противоречило его убеждениям как сторонника ассимиляции.

Среди большого количества эссе, книг и энциклопедий можно обнаружить довольно объемную коллекцию трудов по истории антисемитизма, в частности – о ритуальных убийствах и эволюции культурного и религиозного антисемитизма в сторону антисемитизма «научного», то есть построенного на якобы научных основаниях. Так, например, монументальное исследование об инквизиции А. Ш. Леа [Lea 1887–1888], перевод которого сделан С. Рейнаком, тесно соприкасается с этюдами по антропологии Мориса Фишберга [Fishberg 1911], теолога и специалиста по семитским языкам Германа Штрака [Strack 1900] и, в частности, с исследованием обвинения в ритуальных убийствах, направленного против евреев. В собрании С. Рейнака также имелись книги Михаила Аш-

кинази, который под псевдонимом Мишель Делинь опубликовал исследования по русской литературе и истории антисемитизма [Delines 1887].

Складывается впечатление, что две эти категории книг, одна – о российских евреях, другая – по истории антисемитизма, составляют не два отдельных собрания, а последовательную и логичную совокупность. Целостность эта носит двойственный характер: она одновременно тематическая и историческая. Действительно, с целью обозначить определенные константы нетерпимости к евреям и антиеврейских действий С. Рейнак в прошедшем искал ситуации, близкие тем, которые мог наблюдать в настоящем. Кроме того, подобный подбор литературы имел основания и личного характера: многие из авторов были одновременно и постоянными корреспондентами С. Рейнака.

По большей части названные произведения написаны политиками и специалистами по еврейской истории. Переписка С. Рейнака с ними хранится в Библиотеке Межан. Материалы этой тщательно сохраненной Рейнаком переписки, насчитывающей около 50 000 документов и в алфавитном порядке рассортированной по 171 ящику, стали доступны только в 2000 г. – эта дата была назначена самим историком в его завещании. Письма зачастую носят личный характер, но касаются также деятельности и Рейнака как историка и директора музея в Сен-Жермен-ан-Ле. Стремясь восстановить многоголосье этой переписки, я работал в архивах разных стран – России, Бельгии, Израиля – и обнаружил письма, отправленные С. Рейнаком его корреспондентам. Я занялся этим, в частности, для того, чтобы составить корпус приблизительно из пятисот писем, проливающих свет на роль Рейнака в обмене знаниями в области исторических исследований между Францией и Россией [Czerny 2020]. Кстати, следует также отметить особое место, которое Рейнак занимает в интеллектуальном диалоге между Россией и Францией XIX и XX вв. Его имя, впрочем, никак не упомянуто в работах, посвященных этому вопросу [Франсуази 2010; 2013а; 2013б], словно он не поддерживал эпистолярное общение с представителями науки из России и с выдающимися специалистами по русской истории и лингвистике во Франции и Европе. Так, архив С. Рейнака содержит единственный документ, подписанный рукой Леруа-Болье, – его визитную карточку. Имеется также коробка «Мазон», но в ней хранятся письма эллиниста Андре Мазона, а не слависта Поля.

Зато среди корреспондентов С. Рейнака мы обнаруживаем прославленные имена русских археологов и этнологов конца XIX и начала XX в., таких как Гангольф Кизерицкий, Прасковья Уварова, Василий Латышев, Александр Бертье-Делагард, Алексей Бобринский, Борис Тураев, Борис Фармаковский, Михаил Ростовцев, Никодим Кондаков и Иван Толстой. Последний занимает особое место в списке корреспондентов Рейнака. Нумизмат и первый избранный городской голова Санкт-Петербурга был,

очевидно, одним из самых постоянных российских корреспондентов Рейнака, и их переписка на самом деле гораздо обширнее, нежели предполагали Л. Толстая и Б. Ананьич [Толстая, Ананьич 2006, 45–54; 2007, 84–91]. И наконец, их письма отличаются многочисленными отсылками к истории – в частности, к российской истории – и к еврейскому вопросу.

Действительно, содержание этой переписки также отражает вовлеченность С. Рейнака в дело защиты прав российских евреев в качестве члена таких организаций, как Альянс и ЕКО. Совмещение двух этих областей интересов – исторических исследований и участия в еврейской жизни (в самом широком смысле этого слова) – представляется уникальной чертой духовного пути С. Рейнака, одной из самых блистательных личностей своего времени.

Саломон Рейнак – образцовый еврей

В исследованиях о французских евреях в XIX и XX вв. Саломона Рейнака, как правило, рассматривают как образцового представителя французского еврейства этого периода. Сыновья эмигрировавшего во Францию в 1840-е гг. еврейского банкира немецкого происхождения Саломон, журналист и близкий к Леону Гамбетта политик Жозеф (1856–1921) и Теодор (1860–1928), историк и археолог, специалист в области эпиграфики, работая каждый на своем поприще во благо универсалистских ценностей Республики, доказали свое желание включиться во французское общество. Они мечтали воплотить в жизнь все, что есть блистательного и наиболее значительного во французской культуре. Вовсе не стремясь афишировать свое еврейство, они, однако, доказали преданность общине, борясь против антисемитизма. Подобное отступление от принципа республиканского нейтралитета, свидетельствующее о двойственной позиции французских евреев, имело разнообразные проявления, их мы и предполагаем продемонстрировать на примере Саломона Рейнака.

В 1875 г. С. Рейнак успешно выдержал вступительный экзамен в Высшую нормальную школу на улице Ульм, а в 1879 г. стал первым в конкурсе на звание *агреже* по грамматике. В том же году он с успехом поступил во Французскую школу в Афинах (*École française d'Athènes*) и предпринял археологическую экспедицию, которая привела его в Малую Азию. После краткого пребывания в Лондоне и Париже в конце 1883 г. он был избран членом секретариата Археологической комиссии Туниса. В 1885 г. завершился этап, который Эрве Дюшен называет «африканским периодом» жизни С. Рейнака [Duchêne 2004]. В 1887 г. Рейнак стал членом Центрального комитета Всемирного еврейского альянса, обязанности вице-президента которого ему предстояло исполнять с 1892 по 1912 г. В 1894 г. он вошел в совет ЕКО. Эта основанная бароном М. Гиршем и

управляемая Альянсом организация была нацелена на помощь российским евреям, покидавшим свою страну, чтобы обосноваться в Южной Америке или Палестине. Параллельно с активной деятельностью в ЕКО Рейнак неоднократно исполнял обязанности президента Общества еврейской науки и главного редактора издаваемого этой организацией периодического печатного органа *Revue des etudes juives* (Журнала еврейских исследований). Основной задачей этого журнала была публикация статей о религии и, в частности, об иудаизме, на основании филологических и исторических изысканий.

Научная карьера Саломона Рейнака вводит его в круг представителей французской еврейской университетской элиты конца XIX в. Этим «влюбленным в Республику», как называет их историк Пьер Бирнбаум [Birnbaum 1992], благодаря образованию и способностям удалось добиться руководящих должностей. Казалось бы, дело Дрейфуса могло поставить под сомнение ассимиляцию как конечную цель процесса эмансипации. Однако за исключением небольшой группы последовавших за Бернаром Лазаром интеллектуалов, которые отмежевались от «франко-иудаизма» и перешли на сторону сионистских позиций, руководители общины французских евреев и, в частности, главы Альянса, продолжали демонстрировать патриотическую преданность Франции и, ради спасения Дрейфуса, отрицать существование «еврейского синдиката». Подобная осторожность объясняет сдержанность, с которой действовал основанный в 1895 г. по инициативе Задока Кана – в то время главного раввина Франции – Комитет защиты от антисемитизма (*Comité de défense contre l'antisémitisme*), возглавляемый генеральным секретарем центрального комитета Всемирного еврейского альянса Нарциссом Левеном. Саломон Рейнак был одним из основных вдохновителей создания комитета. Однако осторожность не есть бездействие. Переписка между бельгийским ботаником Л. Эррерой и С. Рейнаком раскрывает их активное участие в публикациях, разоблачающих лживый характер выдвинутых против Дрейфуса обвинений. В 1898 г., когда дело было возобновлено, С. Рейнак под псевдонимом «Архивист» (*L'Archiviste*) опубликовал подробное исследование юдофобских текстов, напечатанных в антисемитской газете *Libre Parole* («Свободное слово»).

Всемирно признанный ученый

Для большинства французских евреев результат дела Дрейфуса стал доказательством того, что единственная осмысленная перспектива – это разумная и решительная ассимиляция. Избрание в 1896 г. С. Рейнака в Академию надписей и изящной словесности (*Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*) наглядно доказывало, что еврей может добиться высокой

позиции в обществе вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Академическая карьера Рейнака оказалась стремительной. Назначенный в 1886 г. сотрудником Музея национальной археологии Сен-Жермен-ан-Ле, он уже в 1893 г. стал его хранителем, а затем директором, и занимал этот пост в течение тридцати лет, до самой смерти.

На протяжении своей карьеры С. Рейнак опубликовал множество исследований, посвященных античности, Галлии и греческой археологии, а также религиозным практикам и традициям, которые анализировал с антропологической точки зрения. Два его сочинения, представлявшие религии как пережитки архаичных ритуалов, близких к примитивным религиозным формам, – пятитомник «Cultes, mythes et religions» («Культы, мифы и религии») [Reinach 1905–1923] и «Orpheus, histoire générale des religions» («Орфей, всеобщая история религий») [Reinach 1909] (рус. пер. [Рейнак 1910]) – вызвали резкий всплеск негодования среди католического духовенства и приверженцев традиционного иудаизма. Призыв С. Рейнака к реформе иудаизма, как и его антиссионистская позиция, стал поводом для кампании, развязанной против него немецким филиалом Альянса (Deutschen Conferenz Gemeinschaft) во время выборов в обновленный центральный комитет Альянса в 1911 г. Несмотря на избрание, в 1912 г. С. Рейнак подал в отставку и, по словам А. Родрига, «единственное, что ему оставалось, – заниматься наукой, что он и делал в течение продолжительного периода в начале своей карьеры» [Rodrigue 2004, 118]. Казалось бы, утратив представительскую власть внутри официальных организаций, С. Рейнак мог потерять и политическое влияние. Однако на самом деле, на наш взгляд, влияние Рейнака объясняется не его участием в политической жизни или академическими успехами, но соединением всех областей, в которых он активно работал.

Константа в разнообразии: духовная вовлеченность

Наследие Саломона Рейнака, который поочередно или одновременно в разные периоды был переводчиком, философом, специалистом по античности и Средневековью, пропагандистом и грамматистом, историком и антропологом, огромно. В каталоге Национальной библиотеки Франции под его авторством 471 произведение. Девяносто статей и семь тысяч заметок или небольших публикаций увидели свет на страницах более чем двухсот периодических изданий. Самостоятельное научное значение его работы порой оспаривалось и ставилось под сомнение, однако чаще вызывало удивление и восхищение своей глубиной и разнообразием. Подобный универсализм очевиден при рассмотрении его отношений с русскими коллегами – историками и общественными деятелями. Еще до женитьбы на уроженке Одессы Розе (Ривке) Моргулевой,

приехавшей во Францию, чтобы изучать медицину, Рейнаку наверняка уже было известно, что в России евреи находятся в положении изгоев.

Представляя самую многочисленную еврейскую общину в мире, в России евреи были вынуждены проживать в пределах обширной территории (ограниченной чертой оседлости), приблизительно соответствующей нынешним границам Литвы, Белоруссии и Украины, и подчинялись дискриминационному законодательству, ограничивающему, например, доступ в высшие учебные заведения и занятость в определенных профессиях. Прибывая во Францию, некоторые евреи обращались в Комитет еврейских студентов, в 1890-е гг. возглавляемый Рейнаком. Анализ корпуса писем, отправленных С. Рейнаку прибывшими из России еврейскими студентами и студентками, показывает, какую именно помощь оказывал им комитет. По содержанию переписки можно предположить, что в первую очередь Комитет помогал тем студентам, которые выбирали для изучения дисциплины, открывающие возможность получить признанные полезными профессии (инженеры, ремесленники и т.п.). При этом комитет старался ограничивать помощь студентам, изучающим медицину и право. Верной помощницей в работе стала для С. Рейнака сделавшая блестящую карьеру во Франции уроженка Белостока, молодая выпускница медицинского факультета Мария Ножатт-Вильбушевич. В своих письмах этот начинающий врач неоднократно напоминает С. Рейнаку, что ему следует позволить ей выступить перед еврейскими студентами – выходцами из России, потому что, в отличие от него, она говорит по-русски и знакома с умонастроениями своих соотечественников.

Итак, С. Рейнак был в курсе положения евреев в России еще до женьитьбы на Розе Моргулевой, однако, похоже, начало 1890-х гг. можно считать стартом нового направления его работ и интересов. Роза Рейнак была близка к сионистским кругам и сохранила связь с сионистами-активистами, которые, как и она, были уроженцами Одессы – например, с бактериологом Вальдемаром Хавкиным [NLI, Var. 325. File 02; Hanhart 2017; Поповский 1963].

В 1891 г. С. Рейнак опубликовал перевод на французский язык трех первых томов серии под названием «Русские древности в памятниках искусства» (всего в ней шесть выпусков), подготовленных русскими историками и археологами Никодимом Кондаковым (1844–1925) и графом Иваном Толстым (1858–1916). Интерес Рейнака к России и русскому искусству отразился также в многочисленных заметках, получивших название «Восточная хроника» и вышедших в *Revue Archéologique*. Эти хроники были посвящены трудам и находкам русских археологов и историков, с которыми он поддерживал постоянную переписку.

Некоторые коллеги стали его близкими друзьями. В частности, тесные узы связывали С. Рейнака с графом Иваном Толстым. Нумизмат и

историк, член Археологической комиссии и вице-президент Академии изящных искусств с 1893 по 1905 г., Толстой был приглашен войти в правительство С. Витте (1849–1915) в качестве министра народного просвещения – этот пост он занимал с октября 1905 г. до апреля 1906 г.; с 1913 по 1916 г. был городским головой Петрограда (Петербурга). В каждой должности, на каждом посту своими речами и поступками граф Толстой выражал сопротивление антиеврейскому законодательству, о чем он в письмах информировал С. Рейнака.

Переписка Толстого и Рейнака началась в 1889 г. Последнее письмо Рейнака пришло в Россию в 1916 г., за несколько дней до кончины Толстого. Лишь два письма за несколько лет содержат только библиографические сведения, касающиеся изданий по истории искусства и каталогов выставок. Остальное же – переписка личного характера, или письма, в центре которых стоит еврейский вопрос. В 1891 г. в их переписке впервые появляется другая тема. В ответ на письмо мадам Рейнак с просьбой принять участие в судьбе одного из ее родственников, Толстой, помимо прочего, высказывает оптимистическую точку зрения на перспективы евреев в Российской империи. Он действительно полагает, что правилу *numerus clausus*, процентной норме, ограничивающей прием в высшие учебные заведения студентов-евреев, в ближайшем будущем суждено исчезнуть. Одновременно он отмечает, что студенты-евреи не оставлены вниманием высокопоставленных чиновников, тем самым указывая, что персонам, вращающимся в высших сферах российской власти, ни в коем случае не безразличен еврейский вопрос. В других письмах речь идет об административных трудностях, с которыми Рейнак может столкнуться во время визита в Россию: для него как для еврея будут открыты не все города.

В 1906 г. Рейнак делится с Толстыми своими тревогами. Во французских и английских газетах обсуждается вопрос о том, что царской властью наняты агенты для истребления еврейского населения. Толстой опровергает этот факт (совершенно так же годом позже, в 1907-м, отрицает он, что в Одессе только что случился еврейский погром) и высказывает уверенность, что эмансипация евреев представляет собой единственное возможное решение как для евреев, так и для России.

Один из наиболее ярких примеров роли Рейнака в качестве агента распространения на Западе информации о положении русских евреев представляет собой факт его участия в популяризации книги «Еврейский вопрос в России. Факты и мысли», написанной в 1907 г. графом Толстым в соавторстве с еврейским историком Юлием Гессеном (1879–1939) [РНБ, Ф. 781. Ед. хр. 826; Толстой, Гессен, 1907]. Это издание имело в России крайне ограниченное распространение. На Западе, особенно во Франции и в Англии, Вальдемар Хавкин, Роза и Саломон Рейнаки тщетно пытались опубликовать эту книгу в переводе. В написанном по-русски

и датированном 16 ноября 1907 г. письме Роза Рейнак выражает свое восхищение упорством и великодушием графа Толстого. Она сообщает о своей готовности вместе с одним другом (в данном случае речь идет о микробиологе Вальдемаре Хавкине) перевести книгу на французский и английский языки и способствовать ее самому широкому распространению [РНБ, Ф. 781. Ед. хр. 1490]. Несколько дней спустя С. Рейнак информирует графа Толстого, что его супруга отправила ему пространное послание по-русски (к сожалению, нам не удалось обнаружить это письмо). Он также сообщает, что распространение «Фактов и мыслей» во Франции будет делом трудным. Крупные газеты, такие как *Le Temps*, *Le Figaro*, *Le Gaulois*, *Le Petit Parisien*, по словам Рейнака, колеблются в том, публиковать ли информацию о издании. Краткое изложение книги, по словам Рейнака, появится лишь в *L'Humanité*, в *Le Siècle* и в *L'Aurore*. На самом деле в выпуске газеты *Le Temps* за 28 января 1908 г. было опубликовано несколько строк об издании за подписью Розы Рейнак.

На этом неудачная история с публикацией книги Толстого не заканчивается. Среди семидесяти семи писем, посланных С. Рейнаку Клодом Голдсмитом Монтефьоре, английским теологом еврейского происхождения, президентом Ассоциации английских евреев с 1895 по 1921 г. и членом благотворительной организации ЕКО, три письма касаются непосредственно ситуации в России. В двух первых речь идет о волне погромов, прокатившейся по России в 1905 г., до и после обнародования царем Николаем II Октябрьского манифеста. Из этих писем становится очевидно, что авторитетные представители английских евреев и финансовых кругов Англии в лице лорда Ротшильда советуют соблюдать осмотрительность по отношению к России. Чересчур откровенная лобовая атака российского правительства способна поставить под угрозу финансовые интересы европейских стран и безопасность российских евреев [Klier 1991; Johnson 2010].

Нам неизвестно, каким образом третье письмо, адресованное Голдсмиту Монтефьоре, оказалось в архиве Рейнака. Однако этот документ доказывает, что пропагандистские кампании и ложные сведения об антиеврейском насилии оказались предпочтительнее объективных и трезвых исследований графа Толстого.

18 Porchester Terrace

4/XII/07

Dear Mr Montefiore,

I have read with great interest Mme Reinach's charming translation of Tolstoi's preface to his book on the Russian-Jewish Question, but I think it would be premature to make use of it at the present moment.

Today the question is not whether the Jews of Russia are to be emancipated but whether they are to be allowed to live when the President of the Duma openly talks

of wholesale extermination of the Jews, our chief aim must be to take a public exposé of the pogrom policy and its origin. So, we are hoping that the *Times* will, within the next few days, insert the bulk of papers on the Odessa Pogrom, and that the *Daily Telegraph* will, on the same day, print the whole of it. We shall have to consider what is to follow that for the condition of our brethren in Russia has never been so critical as now. I return Mr. S. Reinach's note to you. You will doubtless explain to him, that we cannot at the moment ask the *Times* to refer to the Tolstoi's book, as we are troubling the edition on the more urgent matter of the pogroms. Yours sincerely.

(Дорогой Г-н Монтефьоре,
я с большим интересом прочитал очаровательный перевод госпожи Рейнак предисловия Толстого к его книге о русско-еврейском вопросе, но я думаю, что было бы преждевременно использовать его в настоящее время. Сегодня вопрос не в том, должны ли евреи России быть эмансипированы, а в том, можно ли им позволить жить, если председатель Думы открыто говорит о поголовном истреблении евреев, нашей главной целью должно быть публичное разоблачение политики погромов и ее истоков. Поэтому мы надеемся, что в ближайшие дни «Таймс» поместит большую часть документов об одесском погроме, а «Дейли Телеграф» в тот же день напечатает их целиком. Нам следует обсудить дальнейшие шаги, ибо положение наших братьев в России никогда не было таким критическим, как сейчас. Я возвращаю вам записку г-на С. Рейнака. Вы, несомненно, объясните ему, что в данный момент мы не можем просить «Таймс» сослаться на книгу Толстого, поскольку мы обращаемся в редакцию по более срочному вопросу о погромах. Искренне Ваш).

Сам факт того, что С. Рейнак способствовал распространению этой книги, доказывает его преданность делу. Кроме того, написанная Иваном Толстым часть этой работы была издана в Германии Аркадием Зильберштейном, родственником Розы Рейнак [Tolstoi 1909].

С. Рейнак принял участие в издании другой важной книги – «*Les Juifs russes, extermination ou émancipation*» («Евреи России, уничтожение или эмансипация» [Errera 1893]). Эта книга, написанная активным дрейфусаром, сотрудником ЕКО, бельгийским историком и ботаником Лео Эррерой, стала результатом плодотворного обмена информацией с Рейнаком, а точнее – с Розой Рейнак. В период работы над книгой Эррера отправлял Рейнакам множество писем, содержащих вопросы о положении евреев в России. Он также попросил Рейнака собирать в архиве Еврейского альянса в Париже последние сведения об антиеврейском законодательстве и разузнавать новые сведения по теме от его корреспондентов в России. Для этого С. Рейнак связался с главным раввином Белостока Шмуэлем Могилевеком и, как свидетельствует переписка,

передал Эррере необходимую информацию. Несмотря на его активное участие в составлении книги, Л. Эррера считал, что С. Рейнак проявляет чрезмерную сдержанность и недостаточно критично настроен по отношению к России.

Он неоднократно упрекал его в преувеличенной патриотической преданности Франции, союзнице России, эта преданность, по мнению Эрреры, стесняла Рейнака и препятствовала выражению полной поддержки российским единоверцам. Свои критические взгляды Эррера особенно активно высказывал в связи с приготовлениями к отправке в 1898 г. в черту оседлости делегации именитых французских и бельгийских граждан еврейского происхождения. Делегация, в которой приняли участие среди прочих Эмиль Мейерсон, а также бельгийский банкир и член комитета директоров Альянса Франц Филиппсон, отправилась в Россию без Рейнака. По неуважительным, по мнению Л. Эрреры, причинам французский историк не захотел войти в состав посольства, хотя и полагал необходимым посещение нескольких «еврейских» городов внутри черты оседлости. Подробный доклад об экономическом положении еврейского населения впоследствии был рассмотрен на заседаниях комитета Альянса и использован для определения форм и условий помощи российским евреям.

Помимо названной книги, Л. Эррера и С. Рейнак обсуждали возможность обратиться к Жюлью Верну с просьбой написать еврейскую версию одного из его романов (предлагалось название «Еврейчик из Бердичева, или Дети старьевщика Арона»).

Как явствует из переписки (всего десять писем) с журналистом и уполномоченным британской еврейской общины Люсьеном Вольфом, во время Первой мировой войны С. Рейнак принял участие в переговорах между Альянсом и Ватиканом с целью облегчения участи евреев России. В переписке между Рейнаком и Вольфом упоминается некий Ф. Дельонкль. Этот дипломат, имевший еврейские корни, был убежден, что только Ватикан способен положить конец страданиям, выпавшим на долю еврейского населения Восточной Европы. Наряду с ним в переговорах с Ватиканом принимал участие Люсьен Перкель, биржевой маклер, родившийся в ассимилированной еврейской семье. Однако нам представляется, что главным побудительным мотивом Дельонкля и Перкеля, а также католических кругов, с которыми они были связаны, было стремление помешать России воспользоваться победой союзников для того, чтобы распространить свое влияние в Палестине. Лучшим способом избежать подобного исхода было, по их мнению, заключение союза с Германией. В процессе переговоров с Ватиканом С. Рейнак передал Папе два письма, в которых объяснял, что «католическая церковь, мать католиков всего мира, должна принести свою помощь всем угнетенным,

независимо от их вероисповедания, и что Священный престол никогда не преследовал евреев» [Szaĵkowski 1960, 140].

После большевистской революции 1917 г. и Первой мировой войны С. Рейнак продолжал свою активную деятельность по защите еврейских выходцев из России, обвиняемых в причастности к «иудео-большевизму». Вступив в борьбу с антисемитскими стереотипами, чрезвычайно широко распространявшимися в печати, он написал довольно много статей и рецензий, касающихся этой темы. Вместе с Люсьеном Вольфом он способствовал изобличению лживого характера «Протоколов сионских мудрецов», в 1920 г. признанных газетой «Таймс» подлинным документом.

Тогда же С. Рейнак написал предисловия к двум сочинениям – «Открытое письмо черносотенцам России» И. Исаевича и «Евреи и русская революция» Бориса Миркина [Mirkin 1921]. Близкий к среде еврейских юристов-эмигрантов – к Борису Миркину, Иегуде Чернову и Борису Нольде (письма которого хранятся в его архиве), – Рейнак лично способствовал созданию армии мира, призванной выступить посредником между воюющими сторонами. Он обеспечил также финансовую поддержку для издания на русском и французском языках журнала «Еврейская трибуна», одним из редакторов которого был юрист Максим Винавер. Наконец из переписки с Иегудой Черновым становится ясно, что именно Чернов является настоящим автором книги об истории Альянса, которая вышла в 1911 г., хотя авторство приписывается директору Альянса Нарцису Левену (тогда уже тяжело больному) [Leven 1911].

Эта недооцененная или остававшаяся мало известной до настоящего времени активная позиция выразилась не только в сочинениях, касающихся текущих событий. Весь корпус работ С. Рейнака действительно указывает на его последовательное внимание к возвратно-поступательному движению между прошлым и настоящим – идее, проходящей через большую часть написанного Рейнаком. Если наблюдать за нюансами этой игры прошлого с настоящим, то можно уловить многоликую природу общественной деятельности, которая выразилась, разумеется, самым непосредственным образом, в публичных выступлениях и делах, но также и менее явно – в исторических работах Рейнака.

Панхроническая концепция истории

Своей «вовлеченностью» в современность в качестве историка и общественного деятеля С. Рейнак не представлял исключения. Подобная укорененность в текущей жизни и в прошлом была характерна, такова же, например, природа восхищения античной Грецией и одновременно интереса к ней как политическому и эстетическому образцу, распростра-

ненных в начале XIX в. в Европе и в России и продолжавшихся до начала XX в. Для историков Belle Époque во Франции и Серебряного века в России, так же, как и для филологов, эллинистический эталон был несравненно выше, чем мода: он подчинялся стремлению к абсолюту. Многие парижские живописцы, композиторы и писатели, от Марселя Пруста до Клода Дебюсси, через Анри Матисса установили тесные и плодотворные связи с самыми великими эллинистами, в частности – с Теодором и Саломоном Рейнаками. В своем салоне в Петербурге поэт Вячеслав Иванов собирал и деятелей искусства и культуры, и историков, и археологов, которые, едва прошло восхищение античной Грецией, предприняли возвращение к детству различных обществ. Это движение к истокам поместило историков в центр процесса структурирования прошлого, свойственного каждой нации. Как объясняет Пьер Нора, «XIX век был, возможно, эпохой благословенной, но далекой, когда поиски идентичности общества происходили через национальное чувство, а значит, через поиск своих корней, а значит – через историю и историка» [Nora 1973, 55].

Эти поиски предков способствовали введению истории в панхроническую зависимость, что стимулировало интерпретацию настоящего при помощи «лупы» прошлого. Подобный подход, развитый в России, помимо прочих, Никодимом Кондаковым и его учеником Михаилом Ростовцевым, благоприятствовал появлению своеобразного в жанровом отношении специфического национального русского романа – современные проблемы здесь находили объяснение в свете прошлого. Так, например, вопросы, изучавшиеся Ростовцевым (аграрная история Древнего Рима, плановая экономика в эллинистическом мире и городская жизнь среднего класса в античный период) находились в прямой связи с проблемами, которые возникали в России в конце XIX в.

В то время возвращение к истокам еврейской истории могло бы привести С. Рейнака к сионизму, однако ученый полагал его противоречащим универсалистскому духу иудаизма и своему собственному положению французского еврея. Впрочем, история даровала ему возможность доказать постоянство антисемитизма, установив отношения тождественности между настоящим и прошлым. Такое решение, принятое на основе панхронического подхода к истории, сформулировано, например, во вступлении к исследованию, посвященному обвинению в ритуальном убийстве, написанному в 1893 г. и представляющему собой концептуальные рамки исторического анализа по С. Рейнаку: «Среди всех обвинений, которыми фанатизм и невежество вооружились против еврейства, нет ни одного, по своему неправдоподобию и нелепости сравнимого с обвинением в ритуальном убийстве. Тем не менее – и такова устойчивость некоторых заблуждений, слепая несправедливость определенных страстей – эта неоднократно повторяемая клевета все еще находит распространяющих ее в Европе и буквально на наших глазах приводит все к

новым жертвам» [Reinach 1893, 3]. Эти слова Рейнака, произнесенные за несколько лет до начала процесса Бейлиса (украинского еврея, который был обвинен в совершении ритуального преступления в 1911 г.), стали провидческими и прозвучали как предостережение.

В связи с этим было бы нелишним заметить, что С. Рейнак не писал специально о деле Бейлиса. Подобное отсутствие реакции характерно для позиции французских евреев. Шумиха вокруг дела Дрейфуса едва затихла, и французские евреи откровенно не хотели вновь пробуждать страсти, высказываясь по поводу дела, возбужденного в России – стране – союзнице Франции. Возмущение этим процессом «былых времен», возникшим вдруг в России, было высказано политиками нееврейского происхождения (Жаном Жоресом, Жоржем Клемансо) и еврейскими эмигрантскими организациями. Отсутствие непосредственной реакции С. Рейнака можно рассматривать как выражение политического конформизма. Впрочем, его можно считать также и поступком ученого.

Процесс адаптации истории к настоящему прослеживается и в других работах, например, в исследовании дела Жиля де Рэ, которого, как говорит С. Рейнак, «на основании недостаточных доказательств» и «странной согласованности свидетельств обвинения» признали виновным в убийстве многих сотен детей [Reinach 1904]. Несмотря на то, что в этой работе речь идет о Жиле де Рэ, сподвижнике Жанны Д'Арк, историк держит в голове, разумеется, дело Дрейфуса. Известно, что Рейнак имел намерение составить словарь об этом деле, и хотя этот проект так и не был осуществлен, он, тем не менее, способствовал публикации исторических работ, которые можно и даже нужно читать через призму дела Дрейфуса, например, брошюры Рауля Аллье [Allier 1898] о приговоре к смерти через колесование протестанта Жана Каласа, обвиненного в том, что собирался принять католицизм, хотя на самом деле он повесился. В этой брошюрке Рейнак, несомненно, видел отклик на фальшивое обвинение Дрейфуса в измене Родине. Выступление французского философа в качестве правозащитника и разоблачителя лживых показаний и свидетельств против Каласа оставалось вполне актуальным и могло служить примером для французской интеллигенции [Duchêne 2009, 171–178].

Такая актуализация прошлого характерна и для перевода «Истории инквизиции» Шарля Леа [Lea 1901–1902]. Один бельгийский критик счел возможным упрекнуть Рейнака в том, что тот слишком свободно интерпретировал этот текст, подогнав его под свои цели, предприняв этот пристрастный и пылкий перевод в интересах, очень далеких от науки, и с целью обогатить материалом досье адвоката Дрейфуса. Критик же призывал к тому, чтобы была представлена объективная книга Леа.

Заключение

Французских евреев второй половины XIX в. и первой трети XX в. критиковали за чрезмерную покорность государству и отсутствие противодействия антисемитизму, однако они нередко занимали позиции, отличавшие их от остального французского населения и сформировавшие из них сообщество. В этом смысле случай С. Рейнака представляет собой пример разнообразия вовлеченности в активную защиту интересов евреев французских еврейских интеллектуалов, не желающих, по словам социолога Эмиля Дюркгейма, «быть обязанными одобрять приговор, законность которого представляется сомнительной» [Durkheim 1898, 10]. В данном случае речь идет о деле Дрейфуса, но приговор сохраняет свою силу в других ситуациях, за которые берется С. Рейнак как историк и руководитель Альянса и ЕКО. Его способность преодолевать границы между многочисленными сферами деятельности, академическими дисциплинами и выходить за пределы исторических рамок безусловно исключительно важна для его академической и общественной жизни.

Можно ли считать, что С. Рейнак занимает особое место в интеллектуальном ландшафте (как еврейском, так и нееврейском) Франции и, шире, Европы? Жизненный путь нашего героя вписывается в широкое движение эмансипации европейских евреев, в частности, английских и французских. Сдержанность или осмотрительность, которые он, по примеру Люсьена Вольфа, выказал по отношению к России, по большей части объясняются его преданностью идеалам Французской республики и продиктованы, в частности, светским характером государства, гражданином которого он являлся. Эта верность Франции помешала французским евреям признать существование еврейского народа и включиться в сионистский проект строительства еврейского государства в Палестине.

При этом С. Рейнака очень рано беспокоила судьба российских евреев. В рамках работы в Комитете еврейских студентов он помогал приехавшим во Францию учиться еврейским студентам – выходцам из России.

Брак с Розой Рейнак, молодой уроженкой Одессы, символизирует сочетание личного и общественного в его исторических исследованиях и интеллектуальных интересах. Он завязывает отношения с российскими историками и археологами, в частности, с графом Толстым, при посредничестве которого (в гораздо большей степени, нежели с помощью руководителей еврейских организаций в России) знакомит Францию с русским искусством. В качестве руководителя Альянса и Еврейского колониационного общества способствует поискам решения так называемого еврейского вопроса.

Насколько нам известно, никакого другого представителя французского еврейства невозможно представить себе в центре двух треуголь-

ников, вершинами которых являются, соответственно, Россия, Франция, европейское еврейство и русские история и археология, история и археология Древнего мира, иудаика.

Перемещения внутри этих треугольников имели свои ограничения. С. Рейнак был французским евреем своего времени и, по примеру евреев Франции, всегда стремился помогать своим «братьям» в России при условии, что те не станут подвергать сомнению опыт ассимиляции, которая, вопреки делу Дрейфуса, рассматривалась как положительный процесс. Вместе с тем чувство патриотизма вынуждало его быть сдержанным в своих критических высказываниях относительно России.

Положение историка позволило Рейнаку провести аналогии между античностью, историей человечества и современной эпохой. В циклическом (панхроническом) подходе к истории, изложенном, в частности, историком и египтологом Эдуардом Майером, противопоставив такой подход линейному эволюционизму, Рейнак стремился выявить сходство, существующее во времени между близкими по своей природе явлениями. В России эта концепция истории будет подхвачена и развита М. Ростовцевым. Насколько нам известно, С. Рейнак был одним из немногих историков своего времени, который применил этот метод в изучении антисемитизма, связав антииудаизм и антисемитизм в России и во Франции.

Однако С. Рейнак был не только историком. Он был также вовлеченным интеллектуалом. Встав с самого начала на защиту Дрейфуса, он не жалел времени и сил на актуальные общественные вызовы и полемику, публикуя критические рецензии на антисемитские произведения, на которые был тогда во Франции большой спрос.

Приложение

Корпус писем, полученных С. Рейнаком или отправленных им, можно разделить на три группы. В этот список мы включаем лишь те письма, которые имеют отношение к еврейскому вопросу в России.

Первая группа

Письма от русских студентов и студенток в Комитет еврейских студентов под эгидой Альянса: 33 дела.

Вторая группа

Переписка со специалистами по истории и археологии. Помимо нижеперечисленных имен и фамилий, можно было бы указать и других русских ученых, с которыми С. Рейнак вел переписку, но поскольку в этих письмах еврейский вопрос не обсуждается, мы не

считаем нужным включить их в наш список, эти письма упоминаются в опубликованной нами книге [Czerny 2020].

Жирмонский: VM, Boite N° 88, 8 F.

Александр Браудо: VM, Boite N° 23, 4 F; РНБ, Ф. 781. Ед. хр. 831.

Александр Гинзбург: VM, Boite N° 74, 2 F.

Никодим Кондаков: VM, Boite N° 93, 25 F; РМР.

Сергей Кондаков: VM, Boite N° 93, 2 F; РМР.

Иван Толстой: VM, Boite N° 163, 104 F; РНБ, Ф. 781. Ед. хр. 831, 1490.

Иван Толстой, переписка с Юлием Гессеном: РНБ, Ф. 781. Ед. хр. 826.

Иван Толстой (сын Ивана Толстого): VM, Boite N° 162, 5 F.

Владимир Хавкин (о книге Толстого и Гессена): VM, N° 76, 8 F; NLI, MS VAR. 325, file 02

Третья группа

Переписка с видными еврейскими политиками, деятелями культуры, представителями общественности. Как правило, в этих письмах еврейский вопрос является главной темой.

Рувим Бланк: VM, Boite N° 19, 12 F.

Лусьен Вольф: VM, Boite. N° 171, 12 F.

Борис Миркин-Гецевич, псевд. Мирский: VM, Boite N° 110, 4 F.

Барон Давид Горацевич Гинцбург: VM, Boite N° 74. 2 F; РНБ, Ф. 183. Ед. хр. 999.

Лео Эррера: VM, Boite N° 58. 179 F; ULB

Поль Эррера: VM, Boite N° 58. 62 F.

Изидор Зингер (издатель): VM, Boite N° 154. 7 F.

Якобус Хенрикус Канн: VM, Boite N° 92. 13 F.

Соломон Познер: VM, Boite N° 125. 7 F.

Франц Филиппсон: VM, N° 123. 133 F.

Соломон Фукс (один из редакторов газеты на иврите «Хамагида», специалист по истории Саадии Гаона): VM, Boite N° 69. 3 F.

Анджело Соломон Раппопорт (издатель): VM, BoiteN° 129, 4 F.

И. Исаевич Розенштейн: VM, Boite N° 145, 5 F.

Нахум Слуц: VM, N° 157, Boite 10 F. (издатель)

Иегуда Чернов: VM, Boite N° 161, 37 F.

Марк Ярблум: VM, Boite N° 87, 2 F.

Источники

VM – Bibliothèque Méjanes (Aix-en-Provence). Fonds S. Reinach. www.citedulivre-aix.com/IMG/pdf/s_reinach_2014.pdf (дата обращения 14.09.2021).

- PMP – Literární archiv Památníku národního písemnictví (Praha). F. 830 (Kondakov N.P.). <https://pruvodce.pamatnik-np.cz/apu/ba700cdf-1fa5-48cd-97b9-6ae7f8e26c07> (дата обращения 14.09.2021).
- NLI – National Library of Israel. W.M. Haffkine archive. RC. Ms. Var. 325. File. 02. https://www.nli.org.il/en/archives/NNL_ARCHIVE_AL002651352/NLI (дата обращения 14.09.2021).
- РНБ – Российская национальная библиотека.
- Ф. 183 (Д. Г. Гинцбург). Ед. хр. 999. Рейнах Р. Письма (3) Д.Г. Гинцбургу. 1905–1906.
- Ф. 781 (И. И. Толстой). Ед. хр. 826. Гессен Ю. И. Письма (5) и телеграмма И.И. Толстому. 1907–1913.
- Ф. 781 (И. И. Толстой). Ед. хр. 831. Гинцбург Д. Г. Письма (10) И. И. Толстому. 1905–1907, б.д.
- Ф. 781 (И. И. Толстой). Ед. хр. 1490. Рейнак Р. Письмо (1) И. И. Толстому. 1907.
- ULB – Université Libre de Bruxelles. Fond Léo Errera.
- Antiquités 1891–1892 – Antiquités de la Russie méridionale. Édition française des «Rousskia drevnosti» par le prof. Kondakof N., le comte Tolstoï J. et Reinach S. Paris: E. Leroux. 1891–1892. 555 p. (Deux parties en un volumes). 545 p.
- Ielatchitch 1901 – *Ielatchich M.* Rapport sur les colonies juives du gouvernement de Kherson et Ekaterinoslav. Paris: R. Veneziani, 1901. 79 p.
- Rapport 1898 – Rapport présenté par M. le Colonel Wolff, Ms Alfred Berl, sur les ouvriers israélites de Russie et la grande industrie mécanique, 1898. 55 p.

Литература

- Поповский 1963 – *Поповский М.* Судьба доктора Хавкина. М.: Издательство Восточной литературы, 1963. 134 с.
- Рейнак 1910 – *Рейнак С.* Орфей. Всеобщая история религий. Paris: A. Picard, 1910. 542 с.
- Толстая, Ананьич 2006 – *Толстая Л., Ананьич Б. И. И. Толстой и еврейский вопрос //* Времена и судьбы: Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха, СПб.: Европейский дом, 2006. С. 44–55.
- Толстая, Ананьич 2007 – *Толстая Л., Ананьич Б.* Толстой и Саломон Рейнак // Архив еврейской истории. Т. IV. М.: Росспен, 2007. С. 84–91.
- Толстой, Гессен 1907 – *Толстой И., Гессен Ю.* Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПб.: Тип. общество «Полезьа», 1907. 167 с.
- Французы 2010 – Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. / под ред. А. Чубарьяна, Ф. Лиштенан, В. Ржеуцкого, О. Окуновой. М.: ИВИ РАН, 2010. 381 с.

- Французы 2013а – Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX–XX вв. / под ред. А. Чубарьяна, Ф. Лиштенан, В. Ржеуцкого, О. Окуновой. М.: ИВИ РАН, 2013. 384 с.
- Французы 2013б – Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX–XX вв. / под ред. А. Чубарьяна, Ф. Лиштенан, В. Ржеуцкого, О. Окуновой. М.: ИВИ РАН, 2013. 350 с.
- Allier 1898 – *Allier R.* Voltaire et Callas. Une erreur judiciaire au XVIII^{ème} siècle. Paris: P.-V. Stock, 1898. 55 p.
- Birnbaum 1992 – *Birnbaum P.* Les Fous de la République, Histoire politique des Juifs d'État, de Gambetta à Vichy. Paris: Fayard, 1992. 512 p.
- Chmerkine 1897 – *Chmerkine N.* Conséquences de l'antisémitisme en Russie, Paris: Guillaumin, 1897. 188 p.
- Czerny 2020 – *Czerny B.* Salomon Reinach. Correspondance, 1888–1932. Un Polygraphe sous le signe d'Amalthée. Paris: Honoré Champion, 2020. 559 p.
- Delines 1887 – *Delines M.* La Chasse aux Juifs. Histoire d'hier et d'aujourd'hui. Paris: Dupret, 1887. 332 p.
- Duchêne 2004 – *Duchêne H.* Salomon Reinach, Cultes Mythes et Religions, 2^{de} édition. Paris: Robert Laffont, Bouquins, 2004. 1258 p.
- Duchêne 2009 – *Duchêne H.* Salomon Reinach, un cadet en Dreyfusie // Être dreyfusard hier et aujourd'hui / eds. G. Manceron et E. Naquet. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2009. P. 171–178.
- Durkheim 1898 – *Durkheim É.* L'Individualisme et les intellectuels // La Revue bleue. 1898. Vol. X, 4^{ème} série. P. 7–13.
- Eliasheff 1919 – *Eliasheff B.* Bolchevisme et judaïsme par un Russe. Paris, 1919. S.p.
- Errera 1893 – *Errera L.* Les Juifs russes. Extermination ou émancipation, Bruxelles: C. Mucquardt. 1893. 184 p.
- Errera 1894 – *Errera L.* The Russian Jews. Emancipation or Extermination with pref. note by Theodore Mommsen. London: Nutt, 1894. 178 p.
- Fishberg 1911 – *Fishberg M.* The Jews: A Study of Race and environment. London; Felling-on-Tyne: Walter Scott Publishing, 1911. 578 p.
- Hanhart 2017 – *Hanhart J.* Waldemar Mordekhaï Haffkine, 1860–1930. Biographie intellectuelle. Paris: Honoré Champion, 2017. 682 p.
- Henry 1903 – *Henry B. A.* Les Massacres de Kichinev. Paris: Bureau du «Siècle», 1903. 30 p.
- Isaievitch 1920 – *Isaievitch I.* Lettre ouverte aux «Cents-Noirs» de Russie / Préf. par S. Reinach. Lausanne: Imprimerie de Ruedi, 1920. 36 p.
- Johnson 2010 – *Johnson S.* Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europe's 'Jewish Question', 1867–1925. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 296 p.
- Klier 1991 – *Klier J. D.* Pogroms, Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 393 p.
- Kuhn 1911 – *Kuhn A.* International Law and the Discriminations Practiced by Russia under the Treaty of 1832, prepared by request for the Board of

- Delegates on Civil Rights of the Union of American Hebrew Congregations and the Independent Order B'nai Brith. Washington: D.C., Press of B.S. Adams, 1911. 19 p.
- Lauer 1916 – *Lauer B.* La Question polono-juive d'après un Juif polonais. Paris: Société Générale d'Imprimerie et d'éditions Leve, 1916. 25 p.
- Lea 1887–1888 – *Lea H. C.* A History of the Inquisition of the Middle ages in 3 vol. Vol.1: Origin and Organization of the Inquisition. New York: Harper & Brothers. 563 p. Vol. 2: The Inquisition in the several lands of Christendom. 569 p. Vol. 3: Special Fields of inquisitorial activity, 655 p.
- Lea 1901–1902 – *Lea H. C.* Histoire de l'inquisition au Moyen-âge / Ouvrage traduit sur l'exemplaire revu et corrigé de l'auteur par S. Reinach. T. 1–3. Paris: Société de Librairie et d'édition, 1901–1902. 1400 p.
- Leroy-Beaulieu 1881–1889 – *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les Russes. Paris: Hachette, 1881–1893. 632 p.
- Leroy-Beaulieu 1893 – *Leroy-Beaulieu A.* Les Juifs et l'antisémitisme. Israël chez les nations. Paris: Calmann-Lévy, 1893. 493 p.
- Leroy-Beaulieu 1896 – *Leroy-Beaulieu A.* Les Arméniens et la question arménienne. Paris: Clamaron-Graff, 1896. 40 p.
- Leroy-Beaulieu 1897 – *Leroy-Beaulieu A.* Études russes et européennes. Paris: Lévy, 1897. 334 p.
- Leroy-Beaulieu 1902 – *Leroy-Beaulieu A.* Les Doctrines de haine, l'antisémitisme, l'antiprottestantisme, l'anticléricalisme, Paris: Calmann-Lévy, 1902. 309 p.
- Leroy-Beaulieu 1905 – *Leroy-Beaulieu A.* Les Immigrants juifs et le judaïsme aux États-Unis. Paris: Librairie nouvelle, 1905. 40 p.
- Leven 1911 – *Leven N.* Cinquante ans d'histoire de l'Alliance Israélite Universelle (1860–1910). Paris: Librairie Felix Alcan, 1911. 574 p.
- Mirkine 1921 – *Mirkine B.* Les Juifs et la Révolution russe / Préf. de S. Reinach. Paris: J. Povolozki. 71 p.
- Nora 1973 – *Nora P.* Le Troisième Homme // L'Arc. 1973. No 52. P. 54–58.
- Reinach 1893 – *Reinach S.* L'Accusation de meurtre rituel. Paris: Librairie Léopold Cerf, 1893. 22 p.
- Reinach 1904 – *Reinach S.* Le Procès de Gilles de Rais // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1904. No 6. P. 694–695.
- Reinach 1905–1923 – *Reinach S.* Cultes, mythes et religions. T. I–V. Paris: Ernest Leroux, 1905–1923.
- Reinach 1909 – *Reinach S.* Orpheus, Histoire générale des religions, Paris: Alcide Picard et Kaan, 1909. 625 p.
- Rodrigue 2004 – *Rodrigue A.* Totems, tabous et Juifs : Salomon Reinach ou l'engagement politique // Les Cahiers du judaïsme. 2004. No 16. P. 105–118.
- Scholz 1900 – *Scholz A.* Die Juden in Russland: Urkunden und Zeugnisse Russischen Behörden und Autoritäten. Berlin: Concordia Deutsche Verlags-Anstalt. 1900. 248 S.

- Semenov 1906 – *Semenov E.* Une page de la contre-révolution russe: les pogromes. Paris: Comité de la Russie libre, 1906. 327 p.
- Strack 1900 – *Strack H.* Le Sang et la fausse accusation du meurtre rituel. Paris: Société française d'éditions d'art, 1900. 410 p.
- Szajkowski 1960 – *Szajkowski Z.* Jewish Diplomacy: Notes on the Occasion of the Century of the Alliance Israélite Universelle // *Jewish Studies*. 1960. Vol. 22. No 3. P. 131–158.
- Szajkowski 1963 – *Szajkowski Z.* The Impact of the Beilis Case on Central and Western Europe // *Proceedings of the American Academy for Jewish Research*. 1963. No 31. P. 197–218.
- Teitel 1929 – *Teitel J.* Aus meiner Lebensarbeit. Erinnerungen eines jüdischen Richters im alten Russland / Mit Vorwort von S. Dubnow und einer Charakteristik von M. Gorki. Frankfurt am Main: I. Kauffmann Verlag, 1929. 318 S.
- Tolstoi 1909 – *Tolstoi I.* Der Antisemitismus in Russland / Übersetzt v. A. Silberstein. Frankfurt am Main: Kauffman, 1909. 168 S.
- Treatment of the Jews in Russia 1890 – *Treatment of the Jews in Russia*. Full Report of the Public meeting held at the Guildhall, London, on Wednesday, December 10th, 1890. London: Gilbert and Rivington, 1890. 55 p.
- Vinaver 1915 – *Vinaver M.* Rapport sur la question juive par M. Vinaver, ancien député de la Douma au nom du comité central du parti Constitutionnel Démocrate. Paris: Ligue pour la défense des juifs opprimés, 1915. 38 p.
- Wolf 1912 – *Under the Duma and the Entente. The Persecution of the Jews in Russia. An Account of the Legalized Torture of 6 Millions Human Beings / with a preface by L. Wolf.* London: s.p., 1912. 28 p.
- Wolf 1924 – *Wolf L.* Russo-Jewish Refugees in Eastern Europe: Report on the Fourth Meeting on the Advisory Committee of the High Commissioner for Russian Refugees of the League of Nations, Held in Geneva, on April 20, 1923. http://archive.org/stream/russojewishrefug00wolfuoft/russojewishrefug00wolfuoft_djvu.txt (дата обращения 19.02.2022).
- Zwick 1909 – *Zwick S.* La Voix qui s'étrangle. Souvenirs d'un révolutionnaire russe. Paris: Dragon, 1909. 100 p.

Salomon Reinach (1858–1932) and the “Jewish Question” in Russia

Boris Czerny

(Caen, France)

Professor, University of Caen, Department of Slavic Studies

Scientific Center ERLIS

Membre de l'Institut Universitaire de France

E-Mail: Boris.Czerny@unicaen.fr

ORCID : 0000-0002-7156-3367

Abstract: In the late 19th and early 20th centuries, Jews in France sought to assimilate into French society. It is generally accepted that this desire to assimilate explains their wariness towards Russian Jews, whose nationalist aspirations found concrete expression in the Zionist and territorial projects. The correspondence of Salomon Reinach, who was one of the most important figures in French Judaism during the Belle Epoque, shows that the “Jewish question” and the situation of the Jews in Russia was central to his attention both as a historian and as the head of the Alliance Israélite Universelle. An analysis of this correspondence allows us to understand the emergence of cultural and scientific transfer processes between France and Russia, French Jews and Russian Jews.

Keywords: Salomon Reinach, Jews in France, Jews in Russia, Scientific and Cultural transfers, late 19th and early 20th centuries.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.09

References

- Birnbaum, P., 1992, *Les Fous de la République, Histoire politique des Juifs d'État, de Gambetta à Vichy*. Paris, Fayard, 512.
- Chubar'ian, A., and F. Lishtenan, V. Rzhetskii, O. Okuneva, eds., 2010. *Frantsuzy v nauchnoi i intellektual'noi zhizni Rossii 18–20 vv.* [The French in the Scientific and Intellectual Life of Russia in the 18th-20th Centuries]. Moscow, IVI RAN, 381.
- Chubar'ian, A., and F. Lishtenan, V. Rzhetskii, O. Okuneva, eds., 2013. *Frantsuzy v nauchnoi i intellektual'noi zhizni Rossii 19–20 vv.* [The French in the Scientific and Intellectual Life of Russia in the 19th-20th Centuries]. Moscow, IVI RAN, 384.
- Chubar'ian, A., and F. Lishtenan, V. Rzhetskii, O. Okuneva, eds., 2013. *Frantsuzy v nauchnoi i intellektual'noi zhizni Rossii 19–20 vv.* [The French in the

- Scientific and Intellectual Life of Russia in the 19th-20th Centuries]. Moscow, IVI RAN, 350.
- Czerny, B., 2020, *Salomon Reinach. Correspondance, 1888–1932. Un Polygraphe sous le signe d'Amalthée*. Paris, Honoré Champion, 559.
- Duchêne, H., 2004, *Salomon Reinach, Cultes Mythes et Religions*, 2nde édition. Paris, Robert Laffont, Bouquins, 1258.
- Duchêne, H., 2009, *Salomon Reinach, un cadet en Dreyfusie. Être dreyfusard hier et aujourd'hui*, eds. G. Manceron and E. Naquet. Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 171–178.
- Hanhart, J., 2017, *Waldemar Mordekhai Haffkine, 1860–1930. Biographie intellectuelle*. Paris, Honoré Champion, 682.
- Johnson, S., 2010, *Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europe's 'Jewish Question', 1867–1925*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 296.
- Klier, J. D., 1991, *Pogroms, Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge, Cambridge University Press, 393.
- Nora, P., 1973, Le Troisième Homme, *L'Arc*, 1973, no. 52, 54–58.
- Popovskii, M., 1963, *Sud'ba doktora Khavkina* [The fate of Dr. Khavkin]. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi literatury, 134.
- Rodrigue, A., 2004, Totems, tabous et Juifs: Salomon Reinach ou l'engagement politique, *Les Cahiers du judaïsme*, 2004, no. 16, 105–118.
- Szajkowski Z., 1960, Jewish Diplomacy: Notes on the Occasion of the Century of the Alliance Israélite Universelle, *Jewish Studies*, vol. 22, no. 3, 131–158.
- Szajkowski, Z., 1963, The Impact of the Beilis Case on Central and Western Europe, *Proceedings of the American Academy for Jewish Research*, no. 31, 197–218.
- Tolstaia, L., Anan'ich, B., 2006, I. I. Tolstoi i evreiskii vopros [I. I. Tolstoy and the Jewish Question]. *Vremena i sud'by: Sbornik statei v chest' 75-letiiia Viktora Moiseevicha Paneiakha* [Times and Fates: Collection of articles in honor of the 75th anniversary of V.M. Paneyakh]. Saint Petersburg, Evropeiskii dom, 44–55.
- Tolstaia, L., Anan'ich, B., 2007, Tolstoi i Salomon Reinach [Tolstoi and Salomon Reinach]. *Arkhiv evreiskoi istorii*. 4. Moscow, Rosspen, 84–91.